

№ 175—181
ВОЛНЕНИЕ НА РЕВДИНСКОМ
ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОМ, ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОМ
И МЕДЕПЛАВИЛЬНОМ ЗАВОДЕ
ДЕМИДОВОЙ В ПЕРМСКОЙ ГУБ.
(1841 г.)

☆
№ 175

1841 г., АПРЕЛЯ 11.
РАПОРТ И. Д. ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА П. И. ПОРОЗОВА
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ
О ВОЛНЕНИИ КРЕСТЬЯН-УГЛЕПОСТАВЩИКОВ
РЕВДИНСКОГО ЗАВОДА, ТРЕБОВАВШИХ ВВЕДЕНИЯ
НОВЫХ ШТАТОВ

Исправник, заведывающий Ревдинские¹, г-жи Демидовой, заводы¹, от 2 апреля донес мне², что крестьяне тамошнего завода, углепоставщики, явившись к нему в числе 50 человек, просили объявить им штат на заводские работы и выдачу провианта по 50 коп. за пуд, основываясь на частном слухе, будто

¹ Так в подлиннике.

² То же дело, л. 5—6.

часу посланы были нарочные в курень за Сараевым и в Мариинский завод за Бороздиным и Рукавишниковым, значащимися в просьбе. После чего деланы были настоятельные убеждения обратиться к своим обязанностям, избрать из среды людей доверенных, объяснить чрез них свои претензии, частные ж просьбы, если они имеют, объявляли бы всякий из них порознь, которые будут выслушаны, и по мере справедливости каждый получит законные удовлетворения; но вся толпа в голос кричала, что у них просьба одна: «Объяви нам новый штат Ревдинского завода». На уверения мои, что никакого нового штата для Ревдинского завода не издано, кричали: «Мы знаем, что штат точно получен». Одни из них кричали, что давно, другие — что года три, и, наконец, некоторые показывали, что они видели недавно. На вопрос, откуда они получили сведения и где видели штат, показали, что о получении штата им показывал служитель Шайтанского завода Никита Сосунов и показывал им штат, что управляющие от них скрывают, что штат этот находится в конторе и в полиции. «Объявите штат, и мы будем довольны, без того же решительно в работу не идем». За Сосуновым тотчас послан нарочный. После того требовали штат Златоустовских заводов: «Там, — говорили, — дается провиант без вычета». По объяснении им, что плата за работы по горным казенным заводам меньше, нежели какие получают они, и именно, за короб угля вместо 2 руб. 19 коп. и даже 3 руб. по казенным штатам будут они получать всего от 98¹/₄ коп. до 1 р. 96 коп., кричали на это: «Пусть так», пусть им дадут плату по 20 коп. за короб только бы по штатам Ревдинских заводов, которые от них скрывают: конторские служащие получают провиант с вычетом 50 коп., а они работают их больше, все крепостные равны, одинаковую должны получать и плату. Некоторые требовали убавку угольного короба, а иные прибавки плат, против этого другие возражают, что платы достаточны, но пусть их не занимают сверх куренной посторонними работами, как то рубкою квартирных дров, поставкою сена и сплавом леса. Объявляли желанья поставлять большее количество против настоящего оклада угля, лишь бы они знали за собой одну работу. Иные жаловались, что недостает сил выполнять налагаемых окладов, подтверждали с тем вместе, что оклады конторою не увеличиваются, и притом не внимали никаким внушениям, уверениям и убеждениям моим, что продолжалось ровно четыре часа.

В особенности начали оказывать беспримерную дерзость из числа просителей, бывших под стражею и разбивших арестантскую комнату полиции: Аулерий¹ Дрягин, Карп Кремин и

¹ Так в подлиннике.

Мирон Шукин, [кои,] приступив ко мне требовали, чтобы я шел с ними в церковь и по присяге дал им подписку, что нет штатов Ревдинского завода, возвратил бы их просьбу, дал всем им билеты итти и принести просьбу лично государю императору. Этих трех человек, яко главных возмутителей, приказал командированным со мною трем военнослужителям взять от толпы, с сим словом вся толпа подняла с дерзостью величайший крик: «Ребята, не выдавайте» и схватились крепко руками, потащили означенных арестантов вон из ограды; все усилили мои и исправников Борисова, Земляницына и военнослужителей — вырвать их из среды, были тщетны, они с шумом и криком увлекли с собой и меня далеко за ограду. Вместе с тем из числа позади стоящих бунтующих углепоставщиков начали кидать во множестве камнями, много явилось с жердями и кольями; даже жены бунтующих повынимали из палисада бруски, кричали все: «Бейте». Один из камней попал в ногу исправнику Земляницыну. Военнослужители, видя меня в опасности, приняли ружья и хотели заряжать, но по приказанию моему оставили. В это самое время, кроме углежогов, заводские мастеровые других цехов, не имевших доселе никаких неудовольствий, замечены были в толпе с жердями, особенно Алексей Трухачев, Василий Винокуров и Яков Зарубин. Несмотря на величайшее исступление бунтующей толпы и угрозы, — по сильным настоятельнейшим и непреклонным убеждениям моим выслушать все, что желал я им внушить, достиг того, что они обратились в ограду, однакоже, решительно отозвались, что никого из среды себя не выдадут, готовы все за одного умирать, что законы, им внушаемые, они знают, ибо уже давно им оные читают, но никто не прочитает им штат Ревдинского завода, на чем основан завод и почему на них возлагая трудные работы, производят меньше других платы, что положение 1826 года (которым руководствуется заводоуправление) они не желают. После того закричали: «Что тут толковать то, видите, он, говорит не в нашу пользу, толку не будет. Пойдемте к государю», — и с сим все пошли на площадь, расположась против заводских фабрик, куда вскоре командировал я к ним бывших при мне горного и заводского исправников для убеждения их, чтобы они вняли делаемым им внушениям и пришли вновь для изъяснения просьбы и подтверждения оной, к чему склоняли их в то же время и управляющие заводами Котовщиков и Круглов. Но они все кричали: «Объявите нам штаты, без чего мы не пойдем никуда». Требовали выдать обратно их просьбу и подписку на законной бумаге, что штатов нет; наконец, обещали послать доверенных для выслушания меня в Управу благочиния. Ожидая там, я шесть раз посылал к ним чиновников, но безуспешно, они реши-

тельно отказались и требовали, если есть какие вопросы, то производил бы я среди площади, которая преисполнена была несчетным числом посторонних зрителей сего завода; хотя на убеждения мои некоторые шли, но из них более других дерзкие кричали: «Ни за что не ходи».

В столь явной непокорности и бунте углепоставщиков, я решился испытать последнее средство: сделать им убеждение чрез благочинного Дмитрия Флеровского, руководствуясь в том 299-й статьей 14-го тома Свода законов устава о предупреждении и пресечении преступлений. По требованию моему Флеровский отправился к ним и общими силами успели, наконец, склонить всех итти в Управу благочиния, но вскоре отказались тем, что они слушать более ничего не хотят, а согласны только итти в церковь, чтоб там я и все дали подписку, что нет штатов.

Между тем когда везены были с Марнинского завода означенные в поданном заводскому исправнику Земляничину в марте месяце прошении в числе 5 человек просители Андриян Рукавишников и Матвей Бороздин — бунтующие, узнав о сем чрез верховых россыльщиков своих, по всем трактам разъезд имеющих, для того чтобы всех цеха их людей, идущих в курени или из куреней, не соглашающихся с ними, перехватывать и насильно гонять в Ревду для общей жалобы, бросились к выезду и, не допустив до управы сажен 30, отбили их от нарочных и ямщиков присоединили в толпу свою.

В 7 часов вечера между бунтующими сделался общий гвалт, все собрались в одну толпу среди площади и положили итти в Екатеринбург просить там о выдаче им штата Ревдинского завода. Обратясь к церкви, крестились, потом бросали кверху шапки, с криком и свистом отправились по тракту, но, дошед так называемой Красной улицы, остановились для совещания, и потом все пошли в дома в Еланскую улицу, где большая часть углепоставщиков Ревдинского завода имеет жительства, увлекая за собою тех, которые не хотели бы следовать. Разместились человек по 20 в каждый дом, учредили на ночь в улице значительный караул, в которую не пустили даже полицейского дозора, угрожая прибить поленьями, если они будут делать покушения.

При соображении всех в течение первого дня поступков крестьян замечено мною: после сделанных внушений толпа бунтующих значительно уменьшилась, так что, по сделанной в 5 часу переписи, оказалось их всего 249 человек, коим именной список у сего прилагается, и, кроме того, другой список, примеченных самими буйными — 54, менее дерзкими — 52 чел.¹ Но из первых особенно признаются зачинщиками и виновниками

¹ Списки участников волнения, упоминаемые в рапорте Карпова, не обнаружены.

начальных причин непокорности 7 человек, а именно: Тимофей Козырин, Герасим Черепанов, Логин Сахаров, Мирон Щукин, Аулерий Дрягин, Калина Щукин и Козьма Дрягин.

10 числа в 6 часов утра бунтующая толпа углепоставщиков вышла на площадь против фабрик в числе опять до 300 человек, тотчас после явки их я прибыл на площадь вместе с горным и заводским исправниками Борисовым и Земляничным для внушения им меры их преступлений, убеждал обратиться к своим обязанностям, разойтись по работам, оставя несколько человек для внушения им ответа на их жалобы, настоял, чтобы они, по крайней мере, для подтверждения жалобы шли к Управе благочиния, требовал от них несколько человек грамотных, кои могли сами удостовериться в платах, производимых по казенным заводам. Но они от выполнения приказаний моих решительно отказались, знающих же грамоты между ними не нашлось ни одного. Причем, однакож, требовали настоятельно прочтения им на площади всего того, что я имею, и как они изъявили решительно сомнение, чтоб жалоба их была известна высшему начальству, то, уступив этому требованию по случаю раннего утра, когда не было значительного собрания посторонних заводских людей, я решился прочитать им все бумаги на площади.

При чтении просьбы их о том, чтобы по всем цехам Ревдинского завода был введен штат Златоустовских заводов, на вопрос мой, кто их просил об этом из других цехов, просители отозвались, что это написал писарь, писавший жалобы, без их согласия, говоря, что без этого нельзя писать просьб. Когда же было прочтено, что они неоднократно просили о том, управляющих и заводского исправника, я спросил их, когда именно просили они. Все отозвались, что никто до настоящего времени не просил и не думали просить, потому что они сами хорошо не знали: управляющими довольны, обиды от них нет, и они на них не просят и не жалуются. Количество возлагаемых работ и плату за оные, в просьбе означенные, утверждали единогласно. В отношении производимых цен говорили: «цены хороши, но дайте штат, если по оному плата будет и дешевле, но была бы только-то по штату»; за сим прочтен им мною рапорт заводского исправника, заключающий в себе объяснение на просьбу их заводоуправления. Просители, а за ними и общество углепоставщиков подтверждали, что заводоуправление пишет правду, но что положение об угольном коробе им не выдано, и они никогда не видали, другие же говорили, что было дано, но скоро отобрано. Я при них приказал заводскому исправнику с означенного положения выдать тотчас им копию. После сего они требовали, зачем конторские служители получают больше платы, зачем за провиант исключается у тех по

50 коп., а у них по 1 руб. По поводу сего вычитано мною из подлинного указа Правительствующего сената от 22 февраля 1841 года высочайшее повеление по предмету продовольствия людей при частных горных заводах¹ с надлежащим внушением, но они все на это кричали: «Мы просим штат, если в нем написано то же, то мы согласны, а без штата ничему не верим». Когда ж я объявил им предписание вашего высокоблагородия, 8 апреля мне данное, то они приняли оное за решительный отказ их просьбы, подняли такой крик и так стеснились, что одним терпением и хладнокровием можно было победить их буйство, ожесточение и восстановить в неумолкающей и буйной толпе порядок. После долговременных настояний о порядке и внимании к тому, что им внушают, они требовали от меня настоятельно подписки, что штатов нет и что просьба их не удовлетворяется, что они подписку эту представят государю императору, угрожая меня величайшею ответственностью.

Между тем горному исправнику Борисову, в некотором отдалении от меня бывшему, внушавшему об обращении в работу и повиновении властям, бунтовавшие делали большие дерзости и даже говорили: «Мы вас не знаем, что вы за люди и имеете ли письменные виды», несмотря на то, что всех нас они иначе не видели, как в полной форме, которая не была нами оставлена ни на один час, [и] угрожали ему: «Подождите, увидите, что с вами будет; теперь не прежняя пора, чтоб мы покорились; мы готовы каждый друг за друга умереть», и с сим вместе закричали: «Не корись, ребята!» Некоторые из дерзких говорили, что в 1826 году, когда пошли в Екатеринбург, то заводский исправник Штейман десять верст шел за ними, со слезами уговаривал воротиться. «Мы пойдем к царю». Когда я хотел убедить их объявлением извлечения из штатов горных казенных заводов: Златоустовских, Екатеринбургских и Гороблагодатских, у сего прилагаемых², они закричали: «Не верим, не верим. Это на простой бумаге, не на гербовой, он сам написал», — и так не допустили даже прочесть.

Вечером 9 числа привезен по приказанию моему из Шайтанского завода служитель Сосунов, который на спрос мой от объявления углепоставщикам штатов, равно того будто бы сказывал о сем кому-нибудь, решительно заперся, на убеждения мои показал, что просители показывают на него это из злобы, ибо когда трое из них: Еремин, Дрягин и Шукин явились к нему на празднике в Шайтанский завод и просили писать просьбу, он, Сосунов, дал знать о сем шайтанской полиции, и они по его явке взяты под стражу.

¹ Данный указ обнаружен в II ПСЗ за № 13993 от 26 ноября 1840 года,

² То же дело, л. 33—38,

По распоряжению моему Сосунов приведен был пред бунтующую толпу, я спрашивал у нее, кому именно он показывал штат Ревдинских заводов, чтоб его уличили в записательстве просители, и все общество сказало, что он показывал их Дрягину, а Дрягин сказывал всем углепоставщикам. Этот же Дрягин находится в Рождественском заводе, после того покричали все, что штаты есть точно, но от них скрывают. Одни кричали, что им сказывал и вчера о них протоиерей Дмитрий, а другие говорили: «Мы слышали от приходского священника».

Дабы уличить их в столь явной клевете на духовных особ, принимающих в присутствии моем живейшее участие к потушению бунта, я пока просил обоих священников явиться пред толпу бунтующих и уличить их невежество. Они исполнили требование мое, несмотря на то, что 9 числа при делаемых протоиереем Дмитрием увещаниях бунтующие наносили ему жесточайшее оскорбление, произносили почти в глаза ругательства, а поутру 10 числа из них Елисеев приходил в дом к протоиерею с угрозою, чтоб он в толпу к ним не показывался и что они разорвут его по клочкам. Равномерно и к священнику Павлу приходили трое из углепоставщиков, требуя его защиты в удовлетворении их просьбы, и когда он внушал им несправедливость, жалобы и дурные поступки, влекущие за собой казнь, ушли от него в ожесточении.

Священники в присутствии всех нас уличили их во лжи, убеждения продолжались пока более 2 часов, причем деланы были внушения, что все, что я ни говорил, есть истина. Некоторые из начинщиков кричали: «Не верьте и священникам, все на нас, и вместо того, чтоб защищать нас, они вычитывают законы те, которые не в пользу нас». На вопрос мой, если кто не хочет работать в куренях, определяют в другие работы, кричали: «Ты говоришь о том, о чем мы не просим, дай нам императорский штат, который от нас скрываете», подтверждая, что штат точно есть, и после того из толпы представили одного старика Кисарева: «Вот и он знает, что штаты есть». Кисарев при них говорил: «Ваше высокоблагородие, в 1826 г., когда усмиряли, один чиновник при мне, я сам слышал, начал было читать императорский штат Ревдинского завода, но не кончил, другие не дали ему». Все старания уличить во лжи остались недействительны, и только час от часу толпа более и более ожесточалась, наконец, с криком: «Ребята, не покоряйтесь», — ушли. В 4 часу вечера все они с площади удалились в прежнем порядке и в прежние их квартиры.

Рассматривая просьбу углепоставщиков, поданную заводскому исправнику Земляницыну, она с первого взгляда показалась сомнительной. По словам самих просителей Дрягина и Щукина, сочиняли просьбу они в Нижне-Сергинском Губиных

заводе, тогда как просьба была написана от 6 человек неизвестно кому принадлежащим крепостным крестьянином Наумом Фетисовым, как значится из рукоприкладства. Напротив, Дрягин и Шукин показали, что просьбу сочинял Нижне-Сергинского завода служитель Трубников, а переписывал Василий Осипов. Я тотчас приказал г. исправнику вытребовать означенных людей в Ревду. По доставлении коих вчерашнего числа они чистосердечно признались как в скрיתии имен своих, а равно в заочном составлении просьбы от 6 человек, якобы сделано все то от глупости, получили за сочинение оной 8 руб. и выпили с просителями полтора штофа вина...

Не находя более никаких средств со своей стороны к приведению мерами кроткими к повиновению бунтующих, я оставил Ревду. В заключение всего честь имею представить в благоусмотрение учиненную из расчетной книги за 1839/40 год выписку о количестве возлагаемых на углепоставщиков работ и успехе исполнения оных, а также присланные ко мне донесения заводского исправника Земляницына от 2 и 7 сего апреля за № 590 и 628¹.

Верно. Полковник Карпов.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 277,
л. 21—32. Копия.

№ 177

1841 г., АПРЕЛЯ 18.

ДОНЕСЕНИЕ И. Д. ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА П. И. ПОРОЗОВА МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ О РАССТРЕЛЕ КРЕСТЬЯН-УГЛЕПОСТАВЩИКОВ РЕВДИНСКОГО ЗАВОДА

Ваше сиятельство из донесения моего от 14 числа² настоящего месяца изволите быть известны, что беспорядки, происшедшие в Ревдинском г-жи Демидовой заводе между тамошними крестьянами, после сделанных им кротких внушений и убеждений со стороны посланного мною 8 числа апреля советника, вынудили принять меры более строгие, дабы обратить ослушных к долгу повиновения.

Вследствие сего две роты, в составе 170 нижних чинов при одном орудии, отправленные из Екатеринбурга под командою батальонного командира подполковника Пашенки, явились в Ревдинский завод 14 числа сего апреля в час пополудни, в каковое время прибыл и сам я туда с инженер-майором Клеймено-

¹ Выписки из расчетных книг и донесения заводского исправника, упоминаемые в рапорте Карпова, не обнаружены.

² Не приводится, так как те же данные содержит документ № 180.

вым. Проезжая, я видел совершенное нарушение спокойствия и ниспровержение гражданского порядка.

В улицах, прилегающих к площади, толпились люди всех возрастов, тогда как на площади заводской до 500 человек непослушных крестьян, окруженные сзади их женами, буйно волновались в толпе, произнося крики: «За права свои!» и подымая колья. Они при первом появлении войска закричали батальонному командиру, чтоб не осмеливался строиться против них, на что сей последний, не обращая внимания, начал строить роты в полный порядок. Вслед за сим явился я на площадь пред толпу в сопровождении майора Клейменова и двух исправников и, приказав прекратить продолжавшийся шум и снять шапки, как в знак уважения дарованному мне его императорским величеством сану, — я приступил к убеждению. Представлял им, что учиненный ими заговор делает их преступниками против закона государства, что это важное преступление лишает их покровительства законов, а потому просьбы их, хотя б даже вполне справедливые, не следовало бы и выслушивать в таком виде. Но принимая во внимание то, что многие из них, как мне известно, вовлечены силою да и прочие увлечены дурным примером, вероятно, немногих людей дурной нравственности, забывших совесть и бога, — я позволил им изложить мне все их жалобы, обещал те просьбы, которые окажутся справедливыми или удовлетворить, если это не превышает моей власти, — или ходатайствовать пред высшим начальством, но с тем чтоб они вполне покорились и, выдав зачинщиков беспорядка, тотчас разошлись, иначе я вынужденным найду употребить воинскую силу как против ослушников воле законов. Затем я приказал прочесть им приличные на сей предмет законы. Претензия, объявленная ими по прочтении законов, главнейше состояла в том, чтоб был им прочтен штат, будто бы составленный и высочайше утвержденный для Ревдинских заводов, который, как они с достоверностью знают, скрывается от них ближайшим их начальством. Далее требования их заключались в том, чтоб производить им плату согласно штатов Златоустовских заводов, что на них возлагаются к исполнению многие работы, и вообще все те претензии, которые были уже описаны в рапорте моем вашему сиятельству от 14 числа сего месяца.

Требование они это делали с наглостью и буйными криками, что «до объявления штатов они не разойдутся», что они «ныне не так просты, как были за 15 лет, когда при подобном их сборище они покорились воинской команде; причем в глазах их отбирали виновных и подвергали наказанию, что они решились стоять дружно друг за друга до последней капли крови, что они все равны и зачинщиков между ими нет». Один из них,

стоявший подле майора Клейменова, с дерзкою решимостью сказал: «Еще посмотрим, чья возьмет». Этому дерзкому, за одно это выражение подлежащему строгости заџонов, приказано было выйти и отдаться воинской команде, причем я лично взял его за рукав, но стоявшие подле ухватились за него, и вся толпа кричала: «Не дадим его». Заставив их прекратить шум, я представлял им, что один этот пример непослушания делает их вполне виновными, заверял их лично, что штатов для Ревдинских заводов нет и что высочайше утвержденные штаты составлены только для заводов казенных. Засим, объяснив им все, что могло относиться к их убеждению, я старался вразумить их, что никакая просьба не остается без внимания начальства, пекущегося неослабно о благосостоянии рабочих людей в заводах, когда она будет приносима с должною покорностью, и вновь убеждал их, объясняя им смысл закона, изъявить покорность и тем возвратиться к своей обязанности. Но как и за сим они, отвергая мое свидетельство, продолжали твердить, что штаты есть, но от них скрывают и что они стоят за права свои, то, желая дать им одуматься и тем избежать тяжкой необходимости употребить строжайшие меры, я дал им срок до следующего утра.

Буйная толпа, простояв по удалении моем еще с час, тронулась с места всею массою и, к изумлению моему, шла в примерном порядке по четыре и по пять человек в ряд, будучи частью вооружена кольями, без шуму и с мрачною решимостью на лицах, за ними следовали женщины.

Составив под моим председательством совет из подполковника Пащенки и майора Клейменова, мы со всею строгостью к самим себе обсуждали наши пред толпою действия и убеждения, более четырех часов продолжавшиеся, изыскивали, не было ли что еще упушено к убеждению, и, признав с одной стороны, что нами было сделано все возможное, что в случае дальнейшего упорства буйных ослушников простирать далее снисхождение мы не считаем себя вправе, действуя при убеждениях высочайшим именем государя императора, что это значило бы ослабление законов и что дальнейшая нерешительность подаст опасный пример как для прочих цехов того же Ревдинского завода, в коем число жителей обоего пола простирается до 7 000 человек и коих тишина становилась походящим до нас слухам сомнительною, так и для других заводов, ибо нам также известно было, что бунтующие соглашали на свою сторону рабочих людей соседственного Бисертского завода. Сверх того, нам известно, что народ Сергинских, Губина, заводов оказывает неудовольствие на заводоуправление, с другой же стороны, рассматривая поступки толпы, принуждены были сознаться, что нет верной надежды, избежать меры край-

ней необходимости. Мы составили протокол, который вашему сиятельству при сем честь имею представить¹ и которым постановили — в случае последней крайности действовать оружием.

Рано утром на другой день толпа, ночевавшая в сборе на мосту, ведущем в их слободу, явилась на площадь опять довольно в стройном порядке и приметно в большем количестве, становилась в рядах, причем уже все до одного были вооружены кольями; за ними следом шли женщины, которые тотчас принялись собирать поленья, колья и камни, что делалось и малолетними. Бунтующие по приходе на место, заметив, что у стоящего близ того моста заводского колокола отвязана веревка (что было сделано заводским начальством), тотчас принесли другую, взлезши на столб, и навязали ее.

Все показывало решительность их стоять до последней крайности. Я, пригласив священника, вышел к толпе в сопровождении майора Клейменова, спрашивая, одумались ли они, понимают ли они, что противятся высочайшей власти закону, но получил те же ответы, что они требуют прочтения штатов и решились стоять твердо на своем.

Употребив еще всевозможные убеждения, я просил священника сделать должное увещание, к чему и приступил он с святым крестом, но буйная толпа закричала священнику: «Удались. Ребята, не целуй креста». И продолжала крик во все время, пока священник проходил от одного фланга бунтующих до другого; тогда я попросил священника удалиться и, отходя сам ближе к войскам, еще старался остановить буйство, но, не видя в том успеха, дал знак батальонному командиру начинать огонь.

После первого залпа из нескольких ружей двух взводов, поставленных в некотором расстоянии вперед орудия, по сторонам его, бунтующие, ударив в набат, пустили град камней и обломки чугуна, нарочно припасенные, и в то же мгновение кинулись на оба взвода. Крайность заставила сделать выстрел из орудия картечью в центр толпы, где находились самые зарубелые бунтовщики.

Хотя выстрел, нанеся вред толпе, расстроил ее, но не принудил к полному бегству, так что стоявшие против взвода на правом нашем фланге продолжали сильно осыпать его камнями и поленами, даже подвигаясь вперед, несколько с меньшею твердостью продолжали держаться и на левом нашем фланге, но скоро бежали от пущенного в них батальонного огня; на правом же нашем фланге, несмотря на живой батальонный

¹ То же дело, л. 53—54.

огонь, держались, пока не увидели, что вновь заряженное орудие обратили против них. От сего в то же мгновение ударились бежать, но, взбежав на пригорок и заметя, что мы сзади их, прекратили стрельбу, бунтующие начали вновь собираться кучами, подымая колья и бросая камни, но от вторичного выстрела из орудия (хотя выстрел с намерением уже был направлен ниже их в пригорок) бежали уже рассыпаясь.

Для страху посланный взвод в преследование нашел в их селении только трех человек, легко раненных, и священника, захваченного было на дороге бунтовщиками и потерпевшего от них оскорбления и побои, которого они истерзали б до конца, если б не увидели за собою солдат; это тем вероятнее, что, по словам священника, они обещали воротиться ночью и зажечь дом его.

По водворении спокойствия оказалось убитых 25 мужчин и 8 женщин и раненых взято 54 мужчины и 8 женщин. Захвачено вблизи спрятавшимися вместе святыми в селении — 8 человек и отставной унтер-офицер Минского егерского полка Иван Десятов, которого во время шума заметили некоторые солдаты перебежавшим с одной стороны толпы до другой и на которого взятые люди показывали, что он их ободрял, уверяя, что будут стрелять в них холостыми патронами и много, если пустят в них пуль 7 или 6, что в России запрещено действовать солдатами, и потому легко их сломить дружным натиском. Со стороны военной ушиблено камнями: батальонный командир, два обер-офицера и 17 человек рядовых, из коих три довольно значительно.

Как разбежавшиеся крестьяне не возвращались в селение, то посланы были в тот же день особые нарочные объявить им, чтоб они спешили в завод являться с покорностью и тем показать свое чистосердечное раскаяние. Вечером появилось несколько человек, утверждавших, что они не были соучастниками, а скрывались от бунтующей толпы в чужих слободах.

На другой день с раннего утра начали являться бывшие на площади крестьяне с изъявлением покорности и раскаяния; и к 6 часам вечера таковых заявилось до 240 человек. Все они показали, что большая часть их бросилась в курени к своим работам, чтобы скрыть свое участие в деле, но что все явятся вскоре. Действительно, по полученному после донесению от заводууправления таковых явилось по настоящее время более 400 человек.

16 числа, убедясь в водворении спокойствия, я сделал распоряжение, чтоб батальонный командир, оставя роту до дальнейшего распоряжения в заводе, с другою ротою, с орудием и захваченными на месте бунтовщиками отправился в Екатеринбург, куда отбыл в то же время и сам для распоря-

жений об отправке на место происшествия следственной комиссии.

Спеша донести о таком происшествии вашему сиятельству, честь имею доложить, что для исследования сего столь важного происшествия назначена мною и командирована уже военно-следственная комиссия под председательством советника Уральского горного правления, надворного советника Тимченки, из членов: старшего чиновника особых поручений маркшейдера Моджера и прапорщика Оренбургского линейного батальона № 8 Леннова, поставив сей комиссии в обязанность: а) первым долгом озаботиться к обнаружению и приведению в совершенную известность ложных разгласителей о штатах для Ревдинского завода. б) Обличить зачинщиков — виновников начальных причин непокорности и всех лиц, способствовавших к восстанию бунта. в) При сем случае открыть заговор их, т. е. истинную причину возмущения и не крылось ли тут особенной какой-либо цели или преднамерения. г) Одним словом, открыть истину сего происшествия, действий, преднамерений и степень вины каждого. д) Следствие сие должно быть произведено со всей скоростью, точностью, ясностью и окончено не далее двухнедельного срока. е) По окончании оного следственная комиссия обязана представить ко мне с подробным донесением об оказавшемся. Что ж касается до просьбы углепоставщиков в отношении возлагаемых на них работ и производимых за оные плат, то просьба сия предложена мною на рассмотрение Горному управлению. О всем этом уведомлен мною вместе с сим и г. пермский гражданский губернатор¹.

Полковник *Порозов*.

ЦГИАЛ. ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 277,
л. 43—52.

¹ Рапорт Порозова министр финансов отправил Николаю I вместе со своим докладом от 2 мая 1841 г. (то же дело, л. 35), а 3 мая отправил донесение уральского берг-инспектора (то же дело, л. 36). На первом докладе Николай I пометил: «Прискорбная необходимость, кажется, что поступлено с должною благоразумностью. Желательно, чтоб сим кончилось, г.-л. Глинке нужно ехать скорее и быть на месте для предупреждения подобного». На втором: «Желательно, однако, чтобы без огласки, г.-л. Глинка вошел в рассмотрение настоящего положения сих крестьян, точно ли есть им повод жаловаться».

№ 178

1841 г., АПРЕЛЯ 24.

**ДОНЕСЕНИЕ И. Д. ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА ГОРНЫХ ЗАВОДОВ
УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА П. И. ПОРОВОЗА
МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ
О РАССЛЕДОВАНИИ ПРИЧИН ВОЛНЕНИЯ НА РЕВДИНСКОМ
ЗАВОДЕ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЕГО ПОДАВЛЕНИЯ**

Обсуждая в настоящее время случившееся происшествие по бунту в Ревдинском, г-жи Демидовой, заводе и последствия его, я был убежден и убеждаюсь ныне в крайности принятой мною меры по следующим обстоятельствам: бывшее в Ревдинских заводах возмущение начало свое восприяло от жителей деревни Красного Яра — крепостных крестьян Ревдинского завода. Большая часть из них старообрядцы, принадлежащие к секте, не приемлющей священства (беспоповщина), — люди, состоящие в глубоком заблуждении, безнравственные и буйные. Восстание против властей — в них порок врожденный. Подобно настоящему возмущению, они оказывали в 1802, 1826 и в 1833 годах¹, из них первые два усмирены воинскою командою. Заговор их начался еще в феврале месяце в домах крестьян Ефима Сараева и Якова Десятова, куда привлекаемы были на совещания постепенно жители Красного Яра и других деревень, а наконец, и Ревдинского завода — занимающиеся поставкою угля. Цель заговора состояла в том, чтобы уменьшить возлагаемые оклады работ, признанные вашим сиятельством в 1825 году необременительными. Платы за работы, в Ревдинском заводе производимые, сами по себе сравнительно со всеми казенными и соседственными частными заводами безбедные; и тем из них, которые исполняют работы сверх окладов, производится полуторная.

Деятельнейшие из крестьян, пекущиеся о благосостоянии своем, делают значительные переработки. Почему в 1839 и 1840 заводском году, как из представленного советником Карповым извлечения из заводских документов² видно, поставлено ими свыше возложенных на них окладом угля 4 862 кор[оба], а, напротив, другими же выполнено только 1 884 кор[оба]. Итак, исходатайствуя уменьшения окладов, они имели бы возможность за переработку получить большую плату. Находясь в близком соседстве с Сергинскими г. Губина заводами, где вследствие возмущения, бывшего в 1828 году³, по решению

¹ Документов о волнениях 1802 и 1833 гг. не обнаружено, о волнении 1824—1826 гг. см. документы № 113—116.

² В деле не обнаружено.

³ См. документы № 138—140. В документе 1828 г. указан ошибочно; следует: 1829 г.

Второго департамента Уральского горного правления для непременных работников тех заводов положено было ввести штат Гороблагодатских заводов, и при общих жалобах на недостаточное содержание в 1839 году о неисполнении штатов по всем заводам Губиных производимо было особою комиссиею следствие. Крестьяне красноярские заразились мыслью о существовании по всем частным заводам штатов, к тому нашлись люди из корыстных видов разгласить между ними о существовании и для Ревдинского завода высочайше утвержденного штата. Люди сии частью уже открыты при расспросах советником Карповым и мною. Вот, по соображению моему, начальный источник возмущения. В начале марта участвующих в заговоре было одних красноярских крестьян 50 человек, вскоре толпа их умножилась в 200 человек. В бытность советника Карпова 9 апреля их уже явилось до 350, а 14 числа, когда прибыл я с командою, их собралось уже до 500 человек. Итак, кроткие меры, увещания, убеждения и внушения, делаемые им об обращении к своим обязанностям заводоуправлением, заводским исправником, советником Карповым, священниками и мною, не только не были действительны, но крестьяне день ото дня более и более умножали толпу свою и ожесточались до неимоверного исступления. Они, не ограничиваясь одним собственным своим цехом, привлекали к себе рабочих людей других цехов, даже вооружили жен и детей своих. Многие из рабочих Ревдинского завода, более буйных, являлись в их толпу, да и прочие Ревдинского завода жители, коих считается до 7 000 человек, не только не оказывали заводоуправлению и правительству содействия к потухению бунта, но, очевидно, уклоняясь от оных, при малейших благоприятных обстоятельствах бунтовавших готовы были на восстание за них. К сему присоединять должно, что главные из начинщиков, рассеяв нелепость слуха сего, возмущали присоединиться с ними рабочих Бисертского того же Демидова завода и ежечасно ожидали оттуда помощи. Трое из главных возмутителей взяты были в Шайтанском Ярцева заводе, где они соглашались на общее с ними восстание и где платы за работы не свыше плат Ревдинского завода. Соседственные Кыштымские Расторгуева и Сергинские Губина заводы, где платы несравненно меньше и люди по беспечности заводчиков не удовлетворяются оными даже по пяти месяцев, равно состоящие в Билимбаевском заводе крестьяне графини Строгановой, отличающиеся худою нравственностью и буйством, могли быть также готовы на общее смятение. Все это имея в виду, я должен был в необходимости принять скорые и решительные меры к прекращению в начале день ото дня увеличивающегося возмущения, последствием коего соделалась жертвою более пятидесяти человек. Эти обстоятельства побудили меня также

поспешить немедленно отрядить военную команду и отправиться самому на место происшествия, не дозволив мне сождать прибытия г. пермского гражданского губернатора и ожидать из Перми пособия в воинской команде, которая не ранее могла прибыть, как по прошествии 12 суток, в которые могли бы присоединиться к бунтующей толпе прочие мастеровые Ревдинского завода. До прибытия моего туда я не мог уже отложить решительных мер не только по причине увеличивающейся толпы, но и опасности общего смятения, ибо заводоуправление, находясь в страхе, не имело из среды мастеровых ни одного доверенного человека, который бы мог сообщить верные сведения о намерениях прочих цехов, из коих некоторые мастеровые уже присоединились к бунтующим, и в случае общего возмущения я не только мог бы подвергнуть опасности военную команду, но и совершенной гибели при том ожесточении бунтовщиков, которое они доказали впоследствии на самом деле.

С глубочайшим моим уважением и совершенною преданностью имею честь быть, ваше сиятельство, милостивый государь.

Петр Порозов.

ДГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 277.
л. 67—73.

№ 179

1841 г., АПРЕЛЯ 26.

**ДОНЕСЕНИЕ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНАТОРА И. И. ОГАРЕВА
МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ А. Г. СТРОГАНОВУ
О КОЛИЧЕСТВЕ УБИТЫХ И РАНЕННЫХ
ПРИ ПОДАВЛЕНИИ ВОЛНЕНИЯ РЕВДИНСКИХ
УГЛЕПОСТАВЩИКОВ И О СОЗДАНИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ**

По происшедшему в Ревдинском полковницы Демидовой горном заводе между углепоставщиками неповиновению, о котором имел я честь от 18 сего апреля довести до сведения вашего сиятельства, отбыл я в тот же самый день туда на место; но по приезде туда в 21-е число местный заводский исправник донес мне, что 14 апреля прибыл в Ревдинский завод исправляющий должность главного начальника горных заводов уральский берг-инспектор полковник Порозов с помощником горного начальника Екатеринбургских заводов майором Клейменовым и воинскою командою, в числе 178 человек, под начальством подполковника Пашенко. Берг-инспектор и майор Клейменов по прибытии своем делали бунтующим крестьянам об обращении их к повиновению всевозможные внушения, повторяя оные и на другой день, то-есть 15-го, но крестьяне, не внимая убеждениям, оказали явное неповиновение, и посему

толпа бунтующих до 400 человек мужеского и не менее того женского пола приведена в повиновение военной силой, причем оказалось убитых 33 и раненых 62 человека; число сих последних впоследствии времени увеличилось скрывающимися в домах до 114, из коих 18 человек по 22 апреля умерло и 18 же человек безнадежны к продолжению жизни. Между тем все оказавшие неповиновение крестьяне вступили в отправление своих обязанностей, а из углепоставщиков 473 человека явились с покорностью к начальству. Для открытия же виновных и производства следствия учреждена исправляющим должность главного начальника под председательством советника Уральского горного правления Тимченко следственная комиссия, которая 18 апреля, прибыв в Ревдинский завод, приступила к делу.

Подробности всех сих событий ваше сиятельство усмотреть изволите из посылаемых при сем списков с рапорта советника Уральского горного правления Карпова, представленного исправляющему должность главного начальника, и с отношения полковника Порозова ко мне, отправленного 18 апреля по нарочной эстафете, но полученного в Перми по отбытии уже моем отсель и посему присланного ко мне в Ревдинский завод г. вице-губернатором с нарочным¹.

Вместе с сим имею честь также представить вашему сиятельству в копиях вытребованные мною от заводского исправника именные списки: 1) об отправленных по распоряжению полковника Порозова в Екатеринбург для содержания в тюремном замке 9 человеках, 2) об убитых и 3) о раненых во время усмирения неповинующихся крестьян 15 апреля вооруженною силою, с различием в двух последних начинщиков, равно участвовавших в возмущении и не причастных к возмущению, но бывших зрителями сего несчастного события людей².

По донесению заводского исправника начинщиками разглашения о новых для Ревдинского завода штатах, по словам бунтовавших углепоставщиков, были служители Ревдинского завода Петр Овчинкин и Шайтанского завода Николай Сосунов, из коих первый находится в командировке и требуется в завод, а последний при учинении ему заводским исправником допроса сделал запирательство. Подстрекателями к неповиновению в бытность советника Карпова и полковника Порозова из бунтовавших углепоставщиков оказывали себя главнейшие крестьяне: Аулерий Дрягин, Карп Еремин, Марк Щукин, Тимофей Козырин, Герасим Черепанов, Абрам Утюмов и Андриян Руквишников, из коих Щукин убит на месте усмирения, Черела-

¹ См. документы № 176—177.

² То же дело, л. 34—38.

нов, Утюмов и Рукавишников ранены и находятся в заводском госпитале, Дрягин и Еремин бежали, к отысканию которых предприняты деятельные меры и сделана публикация, а Козырин в числе 9 человек отправлен для содержания в тюремном замке.

Из бывшей при исправляющем должность главного начальника воинской команды нашел я в Ревдинском заводе 2 офицеров и 89 человек нижних чинов, и посему, руководствуясь § 56 общего наказа гражданским губернаторам, предписал местному заводскому исправнику иметь деятельное наблюдение, чтоб отвращаем был всякий повод к возобновлению беспорядков, чтобы усмиренные и возвратившиеся к долгу были в оном удерживаемы приличными наставлениями и предостережениями, но без напрасных стеснительных мер, и чтобы ни в каком случае, даже и для утверждения их в повиновении, не было от них требуемо непредписанной законом присяги, и напоследок, чтоб о благосостоянии Ревдинского завода до особого предписания были мне доставляемы еженедельные донесения. Находящемуся же в высочайше вверенной мне губернии штаб-офицеру Корпуса жандармов г. подполковнику Жадовскому предложено от меня, согласно желанию исправляющего должность главного горного начальника, находиться в учрежденной им в Ревдинском заводе военносудственной комиссии, а к г. полковнику Порозову отнесся я, что по 1340 стат. 15 тома Свода законов уголовных, военный суд над возмущившимися крестьянами составляется из наличных офицеров присланной военной команды пополам с членами уездных судов того уезда, в котором возмущение случилось.

По важности сего события поставил я долгом настоящее донесение мое представить вашему сиятельству по нарочной эстафете.

Гражданский губернатор *Огарев.*

ЦИАЛ, ф. 1286, ДПИсп., оп. 8, д. 228,
л. 11—14.

№ 180

1841 г., ИЮЛЯ 17.

**ДОНЕСЕНИЕ ГЛАВНОГО НАЧАЛЬНИКА
ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА В. А. ГЛИНКИ
ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ФИНАНСОВ Ф. П. ВРОНЧЕНКО
О РЕЗУЛЬТАТАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН-
УГЛЕПОСТАВЩИКОВ НА РЕВДИНСКОМ ЗАВОДЕ**

Его сиятельство господин министр финансов вследствие высочайшего повеления предписать мне изволил от 6 мая сего года, чтобы я вошел без огласки в рассмотрение настоящего

положения ревдинских крестьян, точно ли они имеют повод к жалобам.

Во исполнение сего я поставил моим неперменным долгом не только произвести подробное разыскание о работах, возлагаемых на крестьян Ревдинского завода, и о содержании, за то им выдаваемом, но и вникнуть на месте в домашний быт их, дабы видеть настоящую степень их благосостояния.

По разысканию моему открылось:

1) Крестьяне ревдинские, произведшие в апреле сего года возмущение, принадлежат все к цеху углежegov. Годовая урочная работа, на них налагаемая, состояла в том, что каждый из них полный работник обязан был поставить в завод 90 коробов соснового угля, им самим выжженного из дров, им же нарубленных. За это каждый углежег получал от завода в год около 185 рублей ассигнациями.

2) Если принять в соображение один этот урок и одну эту плату, то, конечно, первый будет казаться не слишком тяжелым, а вторая очень достаточною для безбедного содержания всякого семейного крестьянина. В соседственных казенных и частных заводах урок на подобные работы существует почти тот же, а платы меньшие.

В казенных Екатеринбургских заводах мастеровой должен в год поставить до 70 коробов угля и получить за это 20 рублей ассигнациями. В заводах Верх-Исетских всякий углежег ставит в год по 85 коробов и получает за то 166 рублей; в заводе Билимбаевском графини Строгановой ставят по 80 коробов и получают 154 рубля.

3. Несмотря на этот расчет, есть другие обстоятельства, которые делали положение ревдинских углежegov весьма тягостным, особенно в последнее время.

Мастеровой казенных заводов и крестьянин — углежег частных Верх-Исетских и Билимбаевских заводов имеет одну обязанность, поставить в завод назначенное ему число коробов угля. Выполнив эту работу, он пользуется остальным свободным временем по своему произволу для работ по воле и для собственных домашних нужд.

Но крестьянин Ревдинского завода, кроме главного урока, или так называемого годового оклада — 90 коробов соснового угля, обязан был исполнить в течение года еще многие другие работы, именно: нарубить и привезти в завод от 2 до 4 саж. квартирных дров; поставить в господскую конюшню до 4 копен сена; приплавить в завод до 15 бревен и, сверх того, выполнить еще несколько так называемых поторжных работ, которые были тем более тягостны, что они зависели от одного произвола приказчиков и заводских надзирателей. При таком порядке вещей ревдинский углежег, не будучи в состоянии один испол-

нить годовой свой оклад, должен был нанять работника, заплатить ему половину выдаваемых ему от завода денег, а остальной половиной довольствоваться для прокормления себя, семейства своего и нанятого им вольного работника. Указный короб в заводах казенных имеет вместимости в 22 400 куб. верш., но в заводах Ревдинских мера угольного короба простирается свыше 27 000 куб. вершков. В заводах казенных сверх платы за работы выдается провиант безденежно. В заводе Верх-Исетском отпускается провиант и в дорогие и в дешевые годы всегда по одной постоянной цене — по 50 коп., а в Билимбаевском заводе — по 30 коп. ассигнациями за пуд. Но Ревдинский завод отпускал провиант по ценам продажным, т. е. в продолжении 1840 года по 1 руб. 25 коп. за пуд.

4. Сии неблагоприятные для благосостояния рабочего класса людей обстоятельства стали возрастать в Ревдинском заводе именно в последние два или три года; особенно в прошлый год урок был увеличен еще пятью коробами на всякого рабочего; уголь начали требовать с большими, чем прежде, верхушками; цена провианта возвысилась в это время из 60 коп. до 1 руб. 25 коп. за пуд.

5. Чтоб устранить этот порядок вещей, Уральское горное правление в числе других мер послало 3 октября 1840 г. во все посессионные заводы указ, дабы они при приеме угля от углежegov ввели единообразный угольный короб, вместимостью в 22 400 куб. верш., издавна принятый в заводах казенных на основании высочайше утвержденного положения. Но указ этот Ревдинскою конторою исполнен не был под тем предлогом, что она не получала долго разрешения на то от содержательницы Ревдинского завода.

6. Между тем этот указ из Горного правления об угольном коробе в ноябре 1840 года сделался гласным между углежгами. Один из конторских служителей, списав тайно с него копию, начал рассказывать о нем углежгам, называя его новым великим царским положением, штатом и наставлением государя императора. Углежеги, поверив существованию указа, в котором в самом деле заключалась большая для них льгота, тогда же, в ноябре и декабре прошлого года, стали толпами и поодиночке приходить к исправнику и просить его, дабы он объявил им это положение, т. е. указ из Горного правления, и привел бы его в исполнение. Но так как при этом углежеги никакого своевольства не чинили, то заводской исправник, сделав им убеждения ожидать от начальства своего и дальнейших распоряжений, оставил просьбу их без последствий.

В начале 1841 года просьбы углежegov продолжались, а уверенность в существовании нового положения, или штата, т. е. указа из Горного правления, день ото дня принимала но-

вую силу. 16 марта ревдинские углежegi решились даже в числе 50 человек подать на бумаге заводскому исправнику прошение, дабы он объявил им новое, для них изданное милостивое положение, но когда и эта просьба по той же причине не была уважена, тогда они отрядили поверенных своих для составления другого подобного прошения, однакож поверенные эти были 25 марта взяты и посажены заводским исправником под стражу.

Ни Горное правление, ни главный начальник до 8 числа апреля не имели о сем волнении никакого сведения, и потому они не могли принять никаких мер к его прекращению в самом начале.

После этого 7 апреля до 300 человек ревдинских углежегов, собравшись пред домом Управы благочиния, начали просить исправника об освобождении своих поверенных, но когда им было в этом отказано, тогда в первый раз распространилось между ними открытое своеволие и буйство. Дальнейшие события известны уже высшему правительству.

Из всего вышеизложенного ваше превосходительство усмотреть изволите, что положение ревдинских крестьян углежегов в последнее время нельзя было назвать благоприятным и что, следственно, у них был повод к жалобам. Что же касается до прочих крестьян Ревдинского завода, то почти все они, выполняя уроки довольно умеренные и получая платы достаточные, находятся в положении удовлетворительном.

Не ограничиваясь, впрочем, сим заключением моим, но имея в виду, что подобные жалобы и их последствие — подобные возмущения — возникали не в первый раз как в Ревдинском, так и в других заводах, я, как ближайший начальник здешнего края, непременною долгом моим поставляю представить при сем с полною откровенностью следующие мои соображения.

1. Возмущения, подобные нынешнему, возникали в Ревдинском заводе в 1802 и в 1826 году от той же, как и ныне, причины при одних и тех же, как и ныне, обстоятельствах. И тогда крестьяне-углежegi жаловались на неумеренную величину короба, и в то время цена провианта возвышалась свыше 2 рублей. И то и другое возмущение прекращено было без дальнейших последствий начальством Горного правления, которое, однакож, не приняло тогда, кроме строгого наказания виновных крестьян, никаких мер к прекращению подобных беспорядков на будущее время. Но само местное заводоуправление сделало еще осторожнее. Видя невозможность своих крестьян выполнять налагаемые на них уроки и содержать себя теми платами, которые выдавались им от завода, оно ссужало крестьян своих деньгами под будущие заработки и ставило на них деньги эти долгом. Таким образом, к 1829 году составилось этого мнимо

долгу на ревдинских углежегах свыше 400 000 рублей. В 1830 году положение ревдинских крестьян приняло другое — благоприятное направление: все долги с них были сложены, работы сделались умеренней, платы несколько увеличены, а glavное, в это время цены на провиант от благоприятных урожаев очень понизились. Благосостояние ревдинских углежегов начало возрастать быстро; в продолжении восьми лет они обстроились, обзавелись скотом и зажили в довольстве. В последние два года положение их начало изменяться: работы увеличены, а провиант вздорожал; крестьяне-углежеги опять взбунтовались.

Итак, события эти ясно доказывают, что в уральских горных заводах, населенных народом промышленным и не занимающимся почти совсем земледелием, порождают беспокойства не столько злоупотребления местного управления, сколько недостаток постоянного для заводских людей положения и постоянной цены на первую жизненную потребность, т. е. на провиант. В заводах казенных рабочий класс людей получает плат гораздо менее, чем в заводах частных, но там с издания заводских штатов никогда не было и не может быть возмущения потому, что там самый последний работник, получая самое небогатое содержание, знает, что содержание это назначено для него верховною властью и что он и семейство его обеспечены провиантом в первой жизненной потребности.

События эти доказывают также, что одни строгие меры, в отношении одной виновной слабейшей стороны принятые, не могут обеспечить в заводах спокойствие на долгое время. Новый пример тому представляют Нижнесергинские купца Губина заводы. Еще не успело быть оконченным исследование по ревдинскому возмущению, а там уже возникают подобные беспорядки. В продолжении одного прошлого месяца там два раза уже рабочий народ толпою приходил к заводскому исправнику, требуя себе плат за работы, давно им не выдаваемых, как известно вашему превосходительству из донесений моих от 23 июня с № 1742 и 1739¹. Чтоб предупредить дальнейшие последствия, Горное правление должно было переслать в заводы Нижне-Сергинские на удовлетворение рабочих до 60 000 рублей серебром собственных денег.

События эти доказывают еще, что меры, принятые доселе к обеспечению положения рабочих людей в частных горных заводах, не достигают своей цели. Бесперывные напоминания заводчикам, чтоб они давали содержание своим людям не менее казенных заводов, чтоб они обращались с ними в духе христи-

¹ Не публикуются, так как не содержат каких-либо других сведений о волнении на Нижне-Сергинских заводах, кроме упоминаемых в данном документе.

анских владельцев, чтоб они возвышали платы за работы по мере возвышения цен на провиант, исполняются не во многих частных горных заводах.

Итак, я полагаю, что весьма полезно было бы для водворения постоянного благосостояния в частных горных заводах принять меры постоянные и для всех заводов однообразные. Не вдаваясь ни в какие отвлеченные теории и избегая всяких бесполезных нововведений, я бы думал избрать для этого меры старые, долголетним опытом оправданные. Меры сии следующие:

1) С одной стороны, для обеспечения благосостояния заводских людей ввести во всех частных горных заводах Уральского хребта те же самые насчет содержания людей положения, которые с такою пользою введены уже в заводах казенных¹.

2) С другой стороны, для обуздания своевольтства заводских людей судить их за все вины судом военным. Но обе сии меры имеют одна с другою тесную связь, и одна без другой, особенно последняя без первой, едва ли могут возыметь спасительное действие.

Генерал-лейтенант *Глинка*.

ЦГИАЛ, ф. 37, Горный д-т, оп. 5, д. 277,
л. 109—119.

№ 181

1843 г., МАЯ 8.

ОТНОШЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

**Л. А. ПЕРОВСКОГО МИНИСТРУ ФИНАНСОВ Е. Ф. КАНКРИНУ
О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ КРЕСТЬЯН-УГЛЕПОСТАВЩИКОВ
РЕВДИНСКОГО ЗАВОДА, УЧАСТВОВАВШИХ В ВОЛНЕНИИ**

Рассмотрев препровожденное ко мне вашим сиятельством военносудное дело о бывшем в 1841 году возмущении крестьян Ревдинского полковницы Демидовой завода, я входил по оному с представлением в Комитет министров, по положению коего государь император 4 сего мая высочайше повелеть соизволил:

1. Четырех главных зачинщиков возмущения ревдинских крестьян, причисленных военным судом к первому разряду, именно: Ювеналия² Дрягина, Карпа Еремина, Матвея Бороздина и Тимофея Козырина, — сослать в каторжную работу.

2. 25 крестьян, участвовавших в возмущении и причисленных военным судом ко второму разряду, именно: Тихона Белькова, Прокопия Гусева, Абрама, Власа, Ефима, Козьму и Якова

¹ Сравнительная таблица оплаты труда на казенных Гороблагодатских, Златоустовских и Екатеринбургских заводах и на Ревдинском заводе находится в том же деле, л. 33—38.

² В документах № 176, 179: Аулерий.

Десятовых, Сильвестра Долганова, Козьму Дрягина, Ивана Абакшина, Моисея и Никифора Замятиных, Демида и Тихона Кокушкиных, Никиту Копытова, Семена Логиновских, Семена Мамонова, Епифания Мещерского, Ивана Новожилова, Петра и Спиридона Поповых, Андрея Рукавишника, Логина Сахарова, Андрея Тюрикова и Захара Утимова — отдать в военную службу, а если окажутся к оной неспособными, то обратиться в арестантские роты или сослать в Сибирь на поселение. Крестьянина же Леонтия Мясникова, причисленного также ко второму разряду и по летам своим (более 36 лет) следующего к обращению в арестантские роты, отдать в оные на два года, во уважение того, что во время суждения сего крестьянина он присоединился с семейством своим из раскола к единоверию.

3. Из 270 подсудимых третьего и четвертого разрядов десятого по жребию наказать розгами: причисленных к третьему разряду по пятидесяти, а причисленных к четвертому разряду по тридцати ударов с оставлением на месте настоящего жительства.

4. Всем помянутым подсудным объявить, что поименованные в первом и втором пунктах сего положения избавляются от заслуженного и присужденного уже им телесного наказания, а поименованные в третьем пункте от отдачи в солдаты или ссылке по неспособности в Сибирь, — единственно по всемилостивейшему манифесту¹.

5. Куренного надзирателя Камаганцева, сместив с этого звания, впредь, как неблагонадежного, не допускать ни к какой должности, сопряженной с властью над другими.

6. Бывшего управляющего Ревдинским заводом унтер-шихмейстера Криночкина, как уже прежде сего по подобному в 1826 году возмущению ревдинских крестьян² удаленного в Богословский завод, — перевести на службу в Нерчинский горный округ.

7. Отставного унтер-офицера Ивана Десятова выслать из Ревдинского завода с воспрещением выезда в который-либо из заводов или селений Уральской горной области и с отдачей под строгий надзор местной полиции.

8. Остальных затем прикосновенных к настоящему делу крестьян и других лиц, коих военный суд избавил от всякого взыскания на основании всемилостивейшего манифеста или не признал виновными по недостатку прямых доказательств участия их в бунте — освободить от дальнейших последствий по сему делу, объявив только первым, что они избавляются от заслуженного наказания единственно по силе манифеста, и вну-

¹ Манифест 16 апреля 1841 г. издан по случаю брака наследника.

² См. документы № 113—116.

шив вообще всем участвовавшим лицам, чтобы впредь воздерживались от подобных поступков под опасением строжайшего по законам взыскания.

9. Освободить равным образом от личной ответственности Ревдинское заводское управление за обременение им крестьян некоторыми сверхокладными работами; но все судебные по настоящему делу издержки возместить из заводских сумм полковницы Демидовой.

10. Для отвращения впредь замеченного при производстве настоящего дела невыполнения многими ревдинскими обывателями христианской обязанности ежегодного причащения св. тайн, предоставить духовному начальству принять соответственные меры, а заводскому управлению в местной полиции предписать, чтобы оказали в сем случае духовной власти всякое содействие.

Приемля во внимание, что распоряжения к исполнению сего высочайшего повеления зависят от уральского горного начальства, в ведении коего находятся ревдинские заводские крестьяне, и самое дело о них рассматривалось и доставлено главным начальником Уральского хребта, я считаю долгом сообщить об изъясненном высочайше утвержденном положении Комитета министров на зависящее от вашего сиятельства распоряжение, возвращая, согласно отношению вашему от 16 января сего года, и все доставленное мне вами при особой описи военносудное производство по означенному предмету.

Министр внутренних дел *Перовский*.